

***

Наш разговор бессмыслен и нарочит,
Хоть умывай тебя из 0,5 боржоми,
Я бы любила небо, оно молчит,
И вообще хорошее, и большое.

Старый квартал приземист и коренаст,
Эта небрежность стиля — в его природе,
Я бы любила время, оно у нас
Местное, и, что приятно, всегда приходит.

Если продолжить сущностей этих ряд:
Пусть поцелуи долго саднят на коже -
Я бы тебя любила, но, говорят,
Будто с живыми, - с мертвыми так негоже.

***

Душ выключи. Забудь о феврале.
Взгляни в окно расслабленно и бегло:
Там зной решился в паспортном столе

Переменить фамилию на пекло.

Река мелела, погибал ручей,
Бежала прочь вечерняя прохлада,
И небо становилось горячей
Сковороды обещанного ада.

Безветрие играло в города,
Жара крошила скулы истукана,
И высыхала горькая вода
В глазницах мирового океана.

***

Когда срывает кромку у конька,
Мир выглядит пугающе и просто:
Выходишь из кручёного прыжка
На скорости
не ниже девяноста.

И — лезвием раскинувшийся лёд,
Точильным камнем, фугой фортепьянной,
Кто ты себе, когда тебя ведёт
Власть
гравитационной постоянной?

Последний метр колюч и серебрист,
Миг перед болью взвешен и сосчитан,
Но ты не хоккеист, а фигурист,
И бьёшься в лёд
без маски и защиты.

***

Плеснуло изнутри — обида, ряска, плесень,
Скорее отвернись и в сторону плыви,
Пока он был живой — он был неинтересен,
Я покажу тебе гниющий труп любви.

И не выходи из-за тела,
Решительно ясно, что делать,
и так
Не хочется этого делать.

***

Рябины много — к тягостной зиме,
А мы ещё не осознали солнца,
Слова внахлест ложатся, как в письме
Четырнадцатилетнего веронца.

Фонема из асфальта проросла
И потянулась вечности навстречу,
Но не хватает света и тепла
На кубометры скошенных наречий.

Земля больна и потому строга,
Не отравись, идя по ней босая,
И снова осыпается строка,
Выветриваясь и перемерзая.

***

Заведено на сорок оборотов
Не самое астральное из тел,
Оскалившихся в крике, криворотых,
Рывком переползающих предел.

А дальше мир становится картонней,
С обрывками акцизного клейма,
И линиями жизни на ладони
Утра прошита линия ума.

Она вскипает — белая, простая,
И лопасти взбивают молоко,
А жизнь — она тут часто пролетает,
Должно, аэропорт недалеко.